

Wounds of Armenia

Khachatur Abovyan

Раны Армении

Хачатур Абовян

Wounds of Armenia

Copyright © 2018 by Indo-European Publishing
All rights reserved.

ISBN: 978-1-60444-892-4

Раны Армении

© Индоевропейских Издание , 2018

ISBN: 978-1-60444-892-4

РАНЫ АРМЕНИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда Крез, царь лидийский,- после того, как Кир завладел всем миром, захватив также его страну, и на поле брани войска, любимцы, друзья, военачальники покинули его, и он, Крез, выросший в жемчужных, самоцветах украшенных палатах, считавший, что нет на свете человека счастливее его, бежал, задыхаясь, перед воином-персом, чтобы хоть голову свою унести,- перс настиг его. Меч сверкнул над его головой, в глазах потемнело. Еще не лишился он жизни, но, думая, что смерть, вот-вот сейчас вырвет у него душу из тела, хотел уже сам вонзить меч себе в грудь, чтобы не от врага погибнуть, а воин, между тем, уже занес над ним меч,- как единственный сын царя, видя неминуемую смерть родителя, вдруг разверз уста: язык его, двадцать лет скованный немотой, разрешился, и сердце, двадцать лет молчавшее, впервые подало голос:

- Нечестивец! Кого убиваешь? Отведи свой меч! Не видишь разве, что перед тобою Крез, властитель мира?

Руки воина опустились, голова царская уцелела - двадцатилетний немой сын спас отца. Столько лет прожил бедняжка царевич,- и ни разу ни любовь родителей, ни их сострадание, ни страстное желание услышать его голос и тем сердце свое утолить, ни слава и величие, ни почет и власть, ни сокровища и богатства, ни любовь к миру и утехи его, ни приязнь и сладкая беседа стольких любимцев и друзей, ни гром небесный, ни сладостный напев потока или птиц пернатых за всю жизнь настолько не подействовали на его сердце, чтоб он издал хоть малейший звук,- но когда увидел он неминуемую смерть родителя, дорогого отца своего, сердце сбросило гробовую свою крышку, молчавший дотоле язык развязал свои путы, запечатленные его уста выговорили скорбь свою. Тоскующий отец, чья жизнь висела на волоске, услышал голос сына. При этом рассказе и ныне сердце слушающего загорается огнем, лишь только помыслит он, что сыновняя любовь так смогла разбить и сокрушить оковы, наложенные самой природой.

Тому уже не двадцать, а тридцать с лишним лет, дорогой мой родитель, возлюбленный народ мой, как сердце мое тоже загорелось огнем; горит оно и обращается в пепел; день и ночь слезы не покидают глаз моих, вздохи уст моих, - так жажду поведать вам, о друзья мои единокровные, мысль и заветное свое желание и лишь потом сойти в землю.

Что ни день, я воочию видел свою могилу, что ни час, огненный меч смерти вращался над моей головой; каждую минуту моей жизни ваше горюющее сердце сжигало и томило мое сердце, беспрестанно слышал я ваш сладостный голос, видел ваше радующее очи лицо, чувствовал вашу благородную мысль и волю, вкушал вашу чистую любовь и дружбу, размышлял об утраченной вашей славе и величии, о деяниях и жизни прежних великолепных царей наших и князей, о былых прелестях и чудесах милой родины, нашей священной земли, о несравненном нраве и подвигах доблестного народа армянского.

Вечно представлял предо мною Масис, перстом указывал мне, какой страны я чадо; в мыслях моих вечно жив был рай, и во сне и наяву напоминавший мне о славе и величии нашей страны. Гайк, Вардан, Трдат, Просветитель говорили мне, что я их сын. Европа и Азия неустанно твердили мне, что я - дитя Гайка, внук Ноя, сын Эчмиадзина, обитатель рая. В поле или в церкви, вдали от дома или под кровлей, там, где ступала и ныне ступает нога моего народа, и камни словно хотели вырвать, извлечь из груди сердце мое.

Сколь часто при виде армянина хотел я последнее дыхание мое вырвать из груди и отдать ему.

Но увы! Язык мой был скован, а глаза отверзты; уста сомкнуты, а сердце глубоко; рука бессильна, а язык короток. Не было у меня казны, чтоб осуществить свои желания, не было и громкого имени, чтобы слово мое доходило куда следует. Книги же наши написаны на грабаре, а наш новый, живой язык не в почете, - и никак не мог я в словах выразить сердечную свою тоску. Приказывать я не мог, а ежели бы стал просить, умолять, никто бы моих слов не понял. А я ведь тоже хотел, чтобы надо мной не насмехались, не говорили, что я груб, глуп, что не сведущ в грамматике, в риторике, в логике. Я тоже хотел, чтоб говорили: «О как глубокомысленно, как мудроно умеет он излагать свои мысли, - сам черт ни слова не разберет, не поймет!..» Я тоже хотел показать себя, чтоб удивлялись мне, хвалили меня: я, мол, тоже дока в армянском языке!

Иные знают один язык - я знаю несколько. Немало разных книг начинал я переводить и не доводил до конца. А всяких стихотворений да сочинений на грабаре я столько сам выдумал, что они могут составить целую объемистую книгу.

Бог привел ко мне за это время нескольких детей, и мне пришлось обучать их грамоте. Сердце у меня разрывалось: какую бы армянскую книгу я ни давал им в руки, дети не понимали. Что ни начнут читать на русском, немецком, французском языке, все их невинным душам нравится. Нередко я готов был волосы на себе рвать, видя, что этим детям иностранные языки по душе больше, чем наш родной.

Однако причина тому была весьма естественная: на тех языках они

читали о деяниях знаменитых людей, знакомились с их поступками и словами, в книге находили то, что способно пленить человеческое сердце, ибо она говорит прямо сердцу. Кто не полюбит такого чтения? Кто не захочет узнать, что такое любовь, дружба, патриотизм, родители, дети, смерть, война?.. Но чтоб на нашем языке писалось о подобных вещах.- да пусть глаза мне выколют!

Чем же еще заставишь ребенка полюбить свой язык? Продай крестьянину алмаз,- конечно, алмаз хорошая вещь, но если у крестьянина за душой нет ничего, так он и куса просяного хлеба не даст за бесценный твой камень.

Это так.

Но когда в Европе я читал в иных книгах, что у армянского народа, видно, нет сердца, если столько событий стряслось над его головой и не нашлось ни единого человека, который написал бы хоть одно доходящее до сердца произведение; что имеется - то все о церкви, о боге, о святых, а между тем книги язычников - Гомера, Горация, Вергилия, Софокла- даже дети держат под подушками, потому что эти книги говорят о мирских делах. Сказать, что все европейцы люди неразумные, неверующие, что они ради таких пустяковых дел оставили дело божие, было бы глупо. Но как же нравятся им эти книги, а наш «Нарек» они обошли? Я знал твердо, что наш парод не таков, как думают о нем европейцы, - но что поделаешь? Жернов без зерна не замелет. Что тут скажешь?

Думал я так: написать, допустим, о героях, - да, среди нас были их тысячи, и теперь тысячи! Об умных речах,- так наши старики тысячи умных вещей знают! А гостеприимство, а любовь, дружба, храбрость, знаменитые люди - разве у наших сельчан не полны сердца именно этих мыслей! Захочешь ли рассказать басню или пословицу привести, или шутку острую, так самый последний мужик тебе не одну, а целую тысячу подкажет.

Я недоумевал: что же тогда надо сделать, чтобы другие народы узнали наше сердце, хвалили бы нас и любили наш язык? Я знал твердо: в османской земле, а также в персидской, сколько было замечательных, мудрых, одаренных людей, сколько при ханских, шахских, султанских дворах любимцев-ашугов, хороших певцов, стихотворцев,- большею частью были армяне. Достаточно упомянуть хотя бы Кешиш-Оглы или Кёр-Оглы чтоб доказать, что слова мои не ложь.

Да хотя бы и теперь: пусть поговорит кто-нибудь с Григором Тархановым, послушает его беседу, его язык красноречивый, полюбуется на его отменный рост, на прекрасное лицо. Чего стоит одно его уменье подражать речи, движениям, манере садиться и вставать сотням самых разных людей и народов,- ослепнуть мне, если я встречал что-либо подобное в лучших театрах Европы! - а школу-то он только тогда, может

быть, и видел, когда у нас грамоту крюком ловили либо пулей сбивали. Вот и узнаешь, какие в армянском народе дарования!

В таких тяжких думах коротал я свои дни. Сколько раз хотел руки на себя наложить. Не находил никакого исхода. Пусть мне поверят, но это горе так овладело моим сердцем, что я часто, как безумный, кидался в горы, в ущелья, бродил в одиночестве, все думал, - и возвращался домой с сердцем, переполненным грустью.

Однажды во время летних каникул, распустив утром учеников, я, как обычно, отправился после обеда бродить по горам. Шел, шел в отчаянии и пришел в Немецкую колонию, к одному приятелю-немцу. Они очень мне посочувствовали, пожалели меня и три дня не отпускали обратно в город.

А в городе дорогие ученики мои, знакомые, друзья давно уже меня оплакивали. Думали, что я утонул в Куре, - они знали, что я каждый день, утром и вечером хожу купаться. Опять же мои дорогие, любимые ученики бросились по моим следам - узнать обо мне хоть что-нибудь. Как-то утром я сидел у окна, погруженный в свои думы, а они как раз прошли мимо. Едва я их увидел, сердце во мне перевернулось. Кто в силах описать наше свидание в тот день? У кого есть сердце, тот сам поймет.

Может быть, когда я буду в могиле, эта ваша любовь улетучится из моей памяти, о мои любезные, дорогие друзья! Но пока надо мною есть голубое небо, пока исходит дыхание из уст моих, я вас, милые мои друзья, буду почитать, как святых, жизнь свою отдам за вас!

Но, увы! Если и небо не пребывает одинаково ясным, что говорить о сердце человеческом? Едва-едва засияло солнышко в моих мыслях, опять черные тучи подняли голову, опять гром и молния разразились в моем сердце. Кинуться в воду я не мог: страх божий был у меня в душе, голос моего невинного младенца - в ушах. Любовь и родительская жалость пребывали в груди у меня. Если бы я навек успокоился, кто бы стал содержать моего сироту?

Нет, вот о чем говорил я сам с собою: надо бы засесть как следует и, насколько ума достает, прославить наш народ, рассказать о подвигах замечательных наших людей, - и опять я задумывался: для кого же писать, если народ языка моего не постигнет? Писать на грабаре, все равно, что писать по-русски, по-немецки, по-французски: десяток, быть может, найдется таких, кто поймет, а для сотен тысяч - что мое писание, что мельница ветряная! Ведь ежели народ не говорит на этом языке, не разумеет его, тут хоть сыпья золото из уст - что толку? Каждый человек жаждет того, что сердцу его на потребу. Что мне твой сладкий плов, раз я его не люблю?

С кем я ни говорил, все только о том и разглагольствовали, что, дескать, народ наш нелюбопытствен, что чтение для него никакой цены не имеет, а между тем я видел, что У этого самого народа нашего, будто бы